

corpus scientificum

The *Azra Raza*
First Cell

And the Human
Costs of Pursuing
Cancer to the Last

Азра Раза
**Первая
клетка**

И чего стоит борьба
с раком до последнего

Перевод с английского
Анастасии Бродоцкой

издательство **АСТ**
Москва

УДК 616-006
ББК 55.6
P17

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Раза, Азра.

P17 Первая клетка. И чего стоит борьба с раком до последнего / АЗРА РАЗА; пер. с англ. А. Бродоцкой. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2022. — 400 с. — (Corpus Scientificum).

ISBN 978-5-17-121929-1

Профессор Колумбийского университета Азра Раза написала “Первую клетку”, чтобы ни много ни мало изменить общепринятую точку зрения на лечение рака. Она исследует рак со всех сторон: медицинской, научной, культурной и личной. Она ставит цели, которые кажутся фантастическими, до тех пор пока не выстроится строгая логическая цепочка. Вы видите одновременно опытного врача, тонкого ценителя искусства и... жену, которая теряет горячо любимого мужа. Крайне важно, что доктор Раза дает слово своим пациентам и их родным (“пусть боль кричит”), ведь многие забыли, что именно облегчение их участи — главная цель науки и медицины.

УДК 616-006
ББК 55.6

ISBN 978-5-17-121929-1

© 2019 by Azra Raza
© А. Бродоцкая, перевод на русский язык, 2022
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2022
© ООО “Издательство АСТ”, 2022
Издательство CORPUS ®

Содержание

Пролог. <i>Рак и его тяготы</i>	11
Введение. <i>От последней к первой</i>	15
Глава 1 Омар . Благоденствие жизни — только в этом	37
Глава 2 Пер . Песчаные кучи и рак	77
Глава 3 Леди Н . Заряженное ружье	111
Глава 4 Китти С . Мгновенно рану можно ль излечить	155
Глава 5 Джей-Си . Весь мир роднит единая черта	197
Глава 6 Андрей . Честность — не вариант?	225
Глава 7 Харви . Смерть смотрела ему в глаза, а он смотрел на нее	267
Что было потом. <i>Пусть боль кричит</i>	313
Эпилог. <i>Заря уже занимается</i>	339
<i>Благодарности</i>	355
<i>Список литературы</i>	363
<i>Источники иллюстраций</i>	385
<i>Указатель</i>	387

Шехерезаде

Khurshid-e-Jahan Taab Ki Zau Tere Sharar Mein

Abad Hai Ek Taza Jahan Tere Hunar Mein

Искра в тебе — сияющее солнце,
В твоём таланте живет новый мир

АЛЛАМА ИКБАЛ

И моим братьям и сестрам

Амере, Атийе, Тасниму, Джаведу,

Зухре и Аббасу

В честь общих ценностей “Большой семерки” —
глубокой любви друг к другу и к Зияду Али Разе
и бегум Захир Фатиме, в память
о счастливейших временах в Гулистане-э-Раза —
надежном, теплом, счастливом доме
в нашем любимом Карачи

کاو س کا دل کرے ہے بغا صا کہ ہے بیور
ناح نہ فرص اس گرہ ہم نار کا

Kaavish ka dil karay hay taqaaza hay hay binoz

Nakhun pe qarz uss girah e neet baaz ka

Нужно вкладывать в изыскания больше сердца, ибо
Наши ногти в долгу перед неразвязанными узлами

ГАЛИБ

Зренье свой мир сотворило.
Сердце пускай творит
Из картин, заключенных в тебе...
РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ*

* Перевод В. Микушевича.

Пролог

Рак и его тяготы

Ранней весной 1998 года у моего мужа Харви Прейслера диагностировали рак. На следующий год мы собирались свозить нашу пятилетнюю дочь Шехерезаду и приехавших из Пакистана двоих детей моего брата Джаведа — Мусу и Батуль, восьми и двенадцати лет, — в Сан-Франциско. Мы уже дважды откладывали поездку, и дальше откладывать было уже нельзя. Дети мечтали поехать, а поскольку у Харви начался обезображивающий отек лица и увеличились лимфоузлы, его неизбежно ожидало какое-то агрессивное лечение, которое не позволило бы нам покидать город несколько месяцев. Он считал, что, пока это все не началось, нужно обязательно вывезти семью отдохнуть из раскаленного Чикаго, пусть даже всего на неделю.

Мы полетели в Сан-Франциско ясным, безоблачным летним утром. Очутились в зоне посадки за добрых полтора часа до отлета и решили разделить: Харви остался посидеть в зале ожидания, а я гонялась за детьми по всему аэропорту О’Хара. Мы перекусили в ресторанном дворике и вернулись к выходу на посадку.

Увиденное потрясло меня. Харви сидел, будто оглушенный, и по всему его телу струился пот — под локтями на ручках кресла и под коленями на полу набежали лужицы. Он был красный, как свекла. Ручейки блестящей испарины заполнили

морщины на его красивом лице и неожиданно сделали моложе. Он посмотрел на меня с молчаливым ужасом. Я послала Баттуль в ближайшее кафе за кипой салфеток. Промокнула лицо и руки Харви, вытерла кресло и пол. Лучшее не стало. Пот набегал мощными волнами. Футболка и шорты у Харви уже совсем промокли, с них капало. Дети стояли рядом и старались не глядеть на него, лица у них посерели. Прошло, наверное, целых пятнадцать минут, прежде чем потливость пошла на спад. Я пошла в магазин подарков и купила брюки и рубашку на смену. Восемилетний малыш Муса, не промолвив ни слова, тихонько забрал у меня пакет и спокойно отвел ошарашенного Харви в туалет.

Мы с Харви оба онкологи и прекрасно понимали, что означает такая потливость. Это так называемый *B*-симптом — широко известное проявление разных видов рака, особенно лимфом, и ничего хорошего он не сулит. *B*-симптомы обычно возникают при более агрессивных и активно прогрессирующих формах болезни, и прогноз при них хуже. Я предложила отменить поездку и вернуться домой, но Харви не хотел огорчать детей еще раз и настоял, чтобы мы поехали.

Первые сутки в Сан-Франциско прошли в предчувствии беды. Мы провезли детей по Ломбард-стрит и показали им гавань, а сами не знали, чего ожидать, и опасались худшего. Ничего особенного не произошло. Харви немного расслабился. Но на третью ночь я проснулась от испуга. На лицо мне непрерывным потоком капала вода. Харви согнул руку так, что она была у меня над головой, и с нее текло, как из крана. На этот раз переодеться оказалось мало — пришлось позвать горничную, чтобы поменять промокшее постельное белье.

Через неделю, когда мы вернулись в аэропорт О'Хара, у Харви появился еще один жутковатый синдром, связанный со многими видами рака. Его левое запястье внезапно распухло вдвое. Я дала Харви тайленол усиленного действия, но, когда мы забирались в машину, чтобы ехать домой, он корчился от мучительной боли. Чтобы побороть ее, понадобилось

двадцать четыре часа, ледяные компрессы и тяжелые анальгетики. Следующие несколько дней оказались одними из самых страшных. У Харви постоянно случались приступы проливного пота — каждую ночь, а иногда и два раза за ночь, — так что приходилось переодеваться и перестилать постель.

Стоило избавиться от отека на одном суставе, как он без предупреждения поражал другой. На коже появлялись все новые участки раздражения — все начиналось с жжения и покалывания и за несколько часов превращалось в ярко-красное, обжигающе горячее пятно. Странствующие клетки лимфомы распространялись по организму самопроизвольно, безо всякой системы. Отек с лица схлынул — но порастил суставы. Лимфоузлы в подмышках и на шее то распухали, то уменьшались в течение одного дня, после чего внезапно увеличивалась селезенка. Странствующие клетки рассредоточивались, рассеивались, снова собирались вместе, исчезали, перестраивались. Они путешествовали по телу с показной беспечностью, вторгались в органы и покидали их, когда хотели, — нетерпеливые, неумные, они искали слабые места в разных органах и одни отвергали, а в других селились. Мы наблюдали за развитием драмы испуганно и беспомощно — Харви изнутри, я снаружи. Лимфома ополчилась на нас и бесцельно, с беспричинной жестокостью ломилась неведомо куда, будто одержимая.

Я вот уже двадцать лет лечила рак, но даже не представляла себе, насколько невыносимые мучения причиняет эта болезнь, пока не разделила постель с онкологическим больным.

То было лето наших тягот.

Рак и его тяготы.

Введение

От последней к первой

Я не смогла бы написать эту книгу, когда мне было тридцать. Дело не в том, что я совершила какие-то великие открытия или опубликовала какие-то статьи. Дело в опыте, который я приобрела за эти десятилетия, пока лечила тысячи пациентов и со многими из них была рядом до самой смерти. Болезнь, которую я лечу, в целом смертельна, поэтому любые попытки подбодрить выглядят наигранными, а рассказы о личных достижениях в науке — отвратительным бахвальством. Мое окружение за эти годы не особенно изменилось; иным стало восприятие. Я научилась сомневаться во всем, что раньше считала незыблемым, и искать утешения в странных местах. Я узнала много нового о том, что считала давно известным: например, в чем разница между острой и хронической болезнью, между лечением и исцелением, между отсутствием боли и хорошим самочувствием, о том, как трудно бывает сдержать обещания. В клинике, на научных конференциях я чувствовала себя мошенницей, интеллектуальной самозванкой. Я видела, как тяжело болеют люди, и в сравнении моя жизнь казалась легче; и вот на марше к смерти я решила составить сборник трагических историй выживания. И время от времени даже ощущаю прилив сил безо всяких на то оснований.

Я лечу и изучаю предлейкозное состояние костного мозга под названием “миелодиспластический синдром” (МДС),